

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Андреевской Елены Евгеньевны «Субъектно-пространственные модели в инновативной русской поэзии», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки) в диссертационный совет 24.2.366.06, созданный на базе Российского государственного гуманитарного университета

Мысль о том, что новый литературный материал требует нового языка описания, кажется тривиальной, но об этом кажется уместным вспомнить, имея в виду определенную рискованность обращения к современной поэзии. Риск исследователя — в широте необходимых перенастроек научного аппарата, которая требует от реципиента сочувственного внимания к его теоретическим основаниям. Работа Е.Е. Андреевской, посвященная инновативной русской поэзии, сама по себе тоже является глубоко инновационной, и ее обсуждение стоит начать с очевидных комплиментов в адрес автора.

2000-е гг., да и позже, был широко распространен стереотип о методологическом «запаздывании» критики по отношению к современной литературной и, особенно, поэтической практике. Тезис о том, что лучшими интерпретаторами современной поэзии являются сами поэты, можно было встретить повсеместно и во множестве вариаций. Диссертация «Субъектно-пространственные модели в инновативной русской поэзии» позволяет констатировать, что сейчас это «запаздывание», наконец, преодолено, и филологическая наука, обогащенная подходами других гуманитарных наук, наконец выработала инструментарий, вполне релевантный своему объекту.

Актуальность исследования определяется необходимостью описать способы продуцирования текста в условиях, когда поэзия «пересобирается» в самих своих основаниях, и полюса «я» и «мира» заменены условными и переменными «субъектом» и «пространством». Это позволяет, как справедливо указывает Е.Е. Андреевская, описать «новые, ранее не замеченные принципы организации поэтического текста, определить тенденции развития инновативной поэзии в эпоху постмедиального существования искусства и преобладания дигитального способа коммуникации» (С. 4).

Новизна исследования заключается в уточнении содержания понятий «субъект» и «пространство» в «контексте перехода от «хронологического» к «топологическому» художественному мышлению и возросшего влияния на поэтический дискурс современных информационных сред» (С. 30).

Теоретическая значимость диссертации определяется введением понятий, позволяющих описать современную реальность поэтического производства: «тип субъектно-пространственных отношений», «субъектно-пространственная модель»,

а также убедительно разработанной типологией взаимодействия субъекта и пространства в инновативном поэтическом тексте. Эти нововведения представляются нам перспективными, способными существенно уточнить наши представления о логике развития эстетического сознания в поэзии XX-XXI вв.

Во **Введении** обозначены основные параметры исследования: сформулирована научная проблема, поставлены цель и задачи, намечены релевантные методы, очерчен круг исследуемых авторов.

Первая глава **«Субъектно-пространственные модели: принципы выявления и типология»** носит теоретический характер, в ней обосновывается подход к материалу, обозначаются концептуальные параметры работы. В § 1.1. Е.Е. Андреенова, говоря о разных сценариях взаимодействия субъекта и пространства, вводит как взаимосоотнесенные (общее и частное) понятия «типа субъектно-пространственных отношений» и «субъектно-пространственной модели». Выделяя разные типы отношений, Е.Е. Андреенова говорит о преобладании субъекта над пространством, пространства над субъектом и варианте их «эквивалентного», равновесного бытия. Характеризуя в § 1.2. принципы выявления субъектно-пространственных моделей, исследовательница отмечает, что в этой связи стоит обратить внимание на семантику и особенности функционирования субъекта и пространства, а также на формы и характер их взаимодействия. В § 1.3 перечисляются возможные основания для классификации «субъектно-пространственных моделей»: количество элементов, специфика отношений, формы взаимодействия. Эти выкладки обладают необходимой убедительностью и создают прочную базу для дальнейшего исследования.

В главе 2 **«Варианты и способы реализации субъектно-пространственных моделей субъектного типа»** рассматривается субъектно-пространственная организация текстов авторов, для которых точкой отсчета в построении текста оказывается категория «субъекта» и его трансформации. В § 2.1. автор диссертации исследует формы функционирования метасубъекта в «руинированном» пространстве в книге К. Корчагина «Все вещи мира». Реконструируя художественную логику книги, Е.Е. Андреенова убедительно показывает, как «лирический субъект путем тесного или дистанцированного, проникающего/насильственного или исследовательского/топографического взаимодействия с пространственными объектами вступает в контакт с призраками предшествующей субъективности» (С. 86). § 2.2 устанавливает типологически близкую к опытам К. Корчагина параллель — ею в работе оказывается «опространствливание» субъективности у И. Бродского. В § 2.3 анализируется влияние социально-политического дискурса на субъектно-пространственную организацию поэтики Г. Рымбу. Исследуя книги Г. Рымбу «Передвижное пространство переворота» и «Жизнь в пространстве», автор диссертации замечает, как и субъект, и пространство оказываются в них «размолоты» воздействием политического дискурса, а автор «ищет способы взаимодействия с топографией разрушения» (С. 110). В качестве параллели, позволяющей детализировать

наблюдения над творчеством Г. Рымбу, в § 2.4 рассматривается опыт взаимодействия субъекта и пространства в поэзии К. Унксовой.

Глава 3 «**Пространственность как способ организации поэтической субъектности**» посвящена исследованию поэтики авторов, у которых генератором смыслообразования является пространство, а субъект «распадается на фигуры и объекты». В § 3.1 в фокусе внимания оказываются книги Е. Сусловой «Свод масштаба» и «Животное», где субъект — это «не целостная категория, а распределенное мерцание, которое выражается через пространственное функционирование» (С. 147). Параграф 3.2. в соответствии с общей логикой работы позволяет уточнить наблюдения за счет привлечения историко-культурной параллели, которой оказывается поэзия Г. Айги. В 3.3 анализируются книги Н. Сафонова «Узлы», «Разворот полем симметрии» и разрабатываемая в них «когнитивная топология». В этой практике, как справедливо отмечает Е.Е. Андреевна, определяющее значение имеет концепт «узла», под которым понимается ««идея пространства» — не определенный топос, не координаты объектов, наполненных семантикой, значением, а пространства без связи — пространства как прием» (С. 170). В заключительном параграфе главы в качестве условной параллели к опытам Н. Сафонова рассматриваются связи субъекта и пространства у М. Еремина.

В **Заключении** сжато подведены итоги исследования, а также намечены векторы его возможного продолжения; автором они убедительно связаны с «расширением круга авторов, рассматриваемых в рамках одного типа», с «уточнением классифицирующих оснований, по которым объединяются модели», с обращением «к формально-языковым способам выражения концептов» (С. 197-199).

Логика отзыва предполагает выявление дискуссионных моментов и формулировку вопросов. Концепция диссертации и ее основные положения не вызывают возражений — перед нами незаурядная, теоретически яркая, глубоко самостоятельная в своих посылах и выводах работа — поэтому сосредоточимся на вопросах уточняющего характера.

1. Первый вопрос будет связан с рабочим термином «инновативная поэзия». С одной стороны, у него есть интуитивно понятное содержание (С. 3 Автореферата), а с другой — очевидно, что термин этот описательный и спекулятивный: он просто отмечает определенные линии развития как «приоритетные», ценностно отмеченные — при том, что «инновативность» в 2000-2010-е дискуссионна и не всегда комплиментарна. В этой связи первый вопрос — вопрос о возможной терминологической альтернативе. Если исходить не из «закрепившейся практики» словоупотребления, а из содержания явления и задачи более-менее четкого определения его границ — как можно было бы обозначить его иначе?

2. Второй вопрос будет связан с теоретическим контекстом использования понятия «субъект». В истории восприятия поэзии представление о том, что это «субъективная» творческая практика, несмотря на постоянные коррективы этого тезиса, было, наверное, наиболее устойчивым и неспроста: фигура «я» легитимировала высказывание, сообщала ему ценность. Если новой реальностью поэтического текста становятся «автоматические, распределенные, формализованные способы существования» (с. 194), если субъект — это условная конструкция, лишенная признаков субстанциальности и связи с лирическим «я», формальный носитель некоторых способностей, как осуществляется легитимация высказывания? Насколько эта проблема вообще релевантна для инновативной поэзии? Или исследование новых возможностей письма рассматривается как некая самоценная практика?

3. Если пространство в контексте инновативной поэзии приобретает сверхзначение, означает ли это, что на его язык могут быть переведены все без исключения формы опыта? Как быть с травматическим опытом, в частности? Если он априори сопротивляется проговариванию и концептуальному схватыванию, не означает ли это, что он сопротивляется и «опространствливанию»? Остается ли что-то неизобразимым, ускользающим от перевода на язык пространственных метафор? И как рефлексировать это ограничение, если оно есть? Есть ли какие-то различия в характере воздействия на субъекта того, что в диссертации называется политическими, социальными и культурными «фреймами»? Или они «работают» в тексте одинаково и производят схожие эффекты?

4. Разные типы пространства — физическое, ментальное, сенситивное, текстовое и т.п. — организуются в рамках выделенных субъектно-пространственных типов одинаково? Можно ли говорить о случаях, когда внутри одного типа или модели работают несколько вариантов семантической структуризации пространства и с чем могли бы быть связаны такие случаи?

В заключение сделаем несколько констатаций формального характера. Диссертация Е.Е. Андреевской соответствует паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации и является научно-квалификационной работой, в которой решена проблема системной характеристики субъектно-пространственных моделей в инновативной русской поэзии, имеющей определенное значение для развития филологической отрасли знаний.

Отметим, что представленная к защите работа прошла убедительную научную апробацию: по теме диссертации опубликовано 19 статей, в том числе 5 — в изданиях из списка ВАК, в автореферате приведен внушительный список конференций, на которых были представлены результаты исследования.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Елены Евгеньевны Андреевской «Субъектно-пространственные модели в инновативной русской поэзии» является самостоятельной научно-квалификационной работой,

которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Андреянова Елена Евгеньевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Официальный оппонент:

Житенев Александр Анатольевич,

доктор филологических наук (специальность 10.01.01 — Русская литература),
доцент, профессор кафедры издательского дела
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
«Воронежский государственный университет»
zhitenev@phil.vsu.ru
+7(473)228-11-60, доб. 2980.

29.11.2024

Сведения об организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет». 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1. Телефон: +7 (473) 220-75-21 Факс: +7 (473) 220-87-55 E-mail: office@main.vsu.ru. Сайт: www.vsu.ru